

2002.03.011. ПЕЛЛИЦОНИ Л. МИФ О ЛУЧШЕМ АРГУМЕНТЕ: ВЛАСТЬ, ОБСУЖДЕНИЕ И РАЗУМ.

PELLIZZONI L. The myth of the best argument: power, deliberation and reason // British j. of sociology.—L., 2001.—Vol.52, N1.—P. 59-86.

Идея «делиберативной» или дискутирующей демократии вызвала большой интерес в последние годы как альтернатива господствующим «стратегическим» формам, основанным на совокупности предпочтений или соглашениях среди конфликтующих интересов, констатирует Луиджи Пеллицони (университет Триеста, Италия). Эта идея также отличается от «элитарных» концепций демократии, когда обсуждение общественных проблем является прерогативой небольших групп избранных. С философской точки зрения идеал обсуждения представляет собой альтернативную версию лингвистического поворота, который ответил на постструктуралистское утверждение, что культурные барьеры создают непреодолимое препятствие для взаимопонимания между людьми.

Дискуссия об обсуждающей демократии была следствием неадекватности стратегического и элитарного подходов к решению сложных социальных проблем. Основной принцип обсуждающей демократии состоит в том, что процесс принятия решений должен включать в себя обсуждение всех точек зрения без исключения. Согласно стратегической перспективе, каждая сторона оценивает аргументы другой в терминах обмена мнениями и личной выгоды. Согласно перспективе обсуждения, аргументы каждой стороны сравниваются, и принимаются во внимание интересы каждого участника дискуссии.

Главный аргумент в пользу диалогического подхода—когнитивный, исходя из которого, общественное обсуждение позволяет всесторонне рассмотреть проблему и найти лучшее ее решение. Главный теоретик обсуждающей демократии Ю.Хабермас убежден, что для любого противоречия можно найти оптимальное решение. Поиск такого решения—цель социальной коммуникации. Пеллицони предлагает реально взглянуть на вещи и выяснить взаимосвязь между идеей лучшего аргумента и властью.

Он выделяет два типа власти. Первый тип—внешняя власть, которая подразделяется на власть над коммуникацией и власть, проявляющуюся в коммуникации. В первом случае включение или исключение власти из диалога имеет место в зависимости от обстоятельств и условий коммуникации. Человек может исключаться из коммуникации, поскольку его право на участие в диалоге не признается. Причиной этого может быть обвинение его в недостаточной компетентности, неспособности

поддерживать дискуссию. Часто этот доступ обусловлен такими формальными требованиями, как гражданство или членство в конкретной группе. Власть предписывает не только то, кто может говорить, но и как. В этом выражается власть в коммуникации. Когда трудно или невозможно исключить кого-то из диалога, то можно отказаться признавать то, что говорится. Препятствием для диалога может оказаться и то, что высказывания собеседников могут быть бессмысленны друг для друга.

Определение уровня компетентности, необходимой для участия в дискуссии, часто связано с профессиональной квалификацией или с иерархией когнитивных систем, основано на подразумеваемой совокупности критериев. Процедурные ограничения часто являются следствием предположений о качествах различных организационных моделей (рыночный обмен, бюрократическая иерархия, групповое равенство), идентичности категории работников (водители грузовиков, университетские студенты) То, что я говорю, может быть отвергнуто, поскольку я говорю не о том, употребляю неадекватные аргументы или говорю слишком эмоционально.

Проявления власти в коммуникации и над ней тесно взаимосвязаны. Отрицание права индивида на участие в дискуссии означает отрицание релевантности того, что он говорит. Напротив, умаление определенного типа аргументации означает делигитимацию поведения говорящего, отрицание его идентичности и исключение его из коммуникации. Цель участия индивида в коммуникации состоит в проявлении своей власти над миром, находящимся вне рамок коммуникации.

Внутренняя власть — власть лучшего аргумента, высказанного в диалоге и позволяющего принять оптимальное решение обсуждаемой проблемы. Власть лучшего аргумента — следствие того, что слушающий признает правоту говорящего. Власть в коммуникации можно рассматривать как функциональный эквивалент власти над коммуникацией. Комбинация внешней и внутренней коммуникативной власти образует четыре типа демократии: стратегический, технократический, конструктивистский и обсуждающий.

Стратегический подход делает акцент на собирании предпочтений и поиске компромисса между противоположными позициями. Цель демократии состоит в продуцировании коллективных выборов, уважающих индивидуальные предпочтения. В обществе существуют разные взгляды на то, что следует делать, что должно быть сделано первым и как это должно быть сделано. Если все люди свободны и равны, то проблема

состоит в том, как обеспечить согласование противоположных целей. Стратегический подход основан на рыночной модели, целью которой является ограничение внешнего экономического влияния на коммуникацию. Стратегическая демократия доверяет коллективным результатам индивидуального инструментального разума, решениям, устраивающим все стороны.

Технократические элиты формируют специфическую власть, которая образует границу между экспертами и обывателями, профессионалами и любителями, членами и нечленами специфического сообщества. Те, кто непосредственно затронут конкретной проблемой, часто исключаются из обсуждения, поскольку их обвиняют в излишней эмоциональности и в неспособности вести дискуссию в адекватных терминах. Под предлогом неверной интерпретации информации ограничивается доступ к ней общественности. Элита объясняет свои действия тем, что только она способна эффективно решать общественные проблемы. Однако для этого необходимо освободить коммуникацию от препятствий и ограничений. Установление границ обсуждения, структурирование внутреннего пространства обсуждения создает область, внутри которой решающую роль играет лучший аргумент.

Конструктивизм критикует модернистский универсализм, исходящий из того, что можно создать единый и транспарентный язык, объединить ценности, цели и дефиниции реальности. Конструктивистские социальные исследования утверждают, что конфликты являются следствием столкновения несовместимых мировоззрений и ценностей. Между ними возможен не диалог, а стратегический спор, борьба за господство в обществе. Следовательно, конструктивизм утверждает, что не может быть внутренней власти в коммуникации между разными группами и культурами. Не существует универсального разума, имеется только множество несоизмеримых дискурсов.

Обсуждающий подход признает, что современное общество плюралистично и не может рассматриваться как общность с едиными целями и принципами. Однако общие цели могут быть достигнуты в свободной дискуссии. Обсуждающая модель имеет три достоинства. Гражданское достоинство: в ходе обсуждения своих проблем люди становятся более информированными и открытыми к аргументам других. Достоинство управления: решение, принятое в ходе открытой дискуссии, имеет большую легитимность. Когнитивное достоинство: аргументация и доводы, формулируемые в свободной дискуссии, оказываются более удачными и

правильными, чем те, которые формулируются экспертами и властью имущими.

Для Хабермаса ценность представляют только универсальные аргументы. Когнитивное достоинство совпадает со способностью выбирать лучший аргумент в дискуссии. Сравнение позиций должно помочь найти решение, и должно быть общее соглашение о том, почему это решение предпочтительное. Согласно Хабермасу, соглашение о лучшем аргументе возможно, поскольку ценность морального утверждения может быть доказана так же, как и фактического утверждения. Возможно достичь общий рациональный консенсус при данном нормативном порядке. Препятствием для этого является отрицание равного статуса всех участников диалога. Целью обсуждающей демократии является «исправление» недостатков других перспектив. Она доказывает, что рациональный поиск общего блага возможен, что препятствия диалогу могут ухудшить качество принимаемых решений, что сопротивление внешней власти вызвано поиском взаимопонимания. Стратегический подход считает лучший аргумент неуместным; технократический делает все доступным только элите; конструктивизм отрицает саму возможность его существования. В центре общественного обсуждения Хабермас ставит когнитивную проблематику.

Диалог, как его описывает Хабермас, требует для своего существования таких идеальных условий, которых не бывает в реальной действительности. Хабермас убежден, что в принципе существует только один «правильный ответ» на проблему и что участники дискуссии способны вступать в коммуникацию для того, чтобы достичь согласия друг с другом. Это подразумевает, что существует единая, универсальная структура языка, которая может быть постепенно реконструирована и выявлена. Для Хабермаса существование этой структуры доказывается тем фактом, что такие понятия, как истина, рациональность, консенсус, выполняют одинаковую грамматическую роль во всех языках, что существует семантическая идентичность между словами и предложениями. Несоизмеримость терминов конфликта может быть преодолена, если вести дискуссию не о хорошей жизни, а о справедливости. На моральном уровне разум может привести к единству.

Однако является ли этот уровень действительно важным? Если мы принимаем идею лингвистических предпосылок дискурса, то как эти предпосылки могут быть превращены в ясные инструкции по разрешению противоречий? Наличие несоизмеримых альтернатив—главная про-

блема обсуждающей демократии. Идея лучшего аргумента подразумевает, что разные решения проблем можно сравнить. Высказывания могут быть несовместимыми и несоизмеримыми. Несовместимые противоречат друг другу, но для их обсуждения есть общий язык. У несоизмеримых высказываний такой язык для сравнения отсутствует. Поэтому утверждение о силе лучшего аргумента является опасным мифом, поскольку навязанное извне решение выдается как результат свободной дискуссии.

Как найти нечто общее между людьми, если их взгляды на мир несоизмеримы? Таким общим может быть только поиск решений для конкретных и ситуационных проблем. Определение фактов зависит от тех проблем, которые мы хотим решить, и от тех вопросов, которые мы задаем в этой связи. Если они различаются, то мир и проблемы описываются по-разному. Критерием того, что наши интерпретации реальности верны, является достижение желаемой цели. Не существует тотальной несоизмеримости. Однако и соизмеримость не описывается одним универсальным критерием, она конкретна и ситуационна. Общее определение существа проблемы уже ослабляет конфликт, который разрешается не обсуждением и не поиском мифического лучшего аргумента, а совместными действиями, направленными на достижение общих целей, заключает Луджи Пеллицони.

П.Н. Фомичев